PRIX : 3 francs №1 „SVOBODA" (Revue Socialiste Périodique) №1 Іюнь 1933

ПАРТИЯ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

«В борьбе обретешь ты право свое».

СВОБОДА

ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАНИЕ ПАРИЖСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Адрес редакции и конторы: 9 bis, Rue Vineuse. Paris (16e). Tél : Troc. 69-21.

От Редакции.
А. Керенский. Очередной лозунг.
Н. Авксентьев. Неотложная задача.
М. Вишняк. Демократия и социализм.
С. Соловейчик. Российские социалисты в Рабочем Социалистическом Интернационале.
М. Кроль. Когда же они прозреют?
В. Зензинов. Отклики.
В. Руднев. О советской «коллективизации» (Фельетон).
К. Брешковская. Приветствие «Свободе».
Е. Лазарев. Письмо друзьям.
Хроника. В заграничной организации П. С.-Р. — О едином фронте — резолюции парижской и пражской организаций. — Письмо Карлу Каутскому. — Ответ К. Каутского.

Kuhr-Univ.
Abt. IV. Hist. Bibl.
S2R419

От Редакции

> Свобода — как воздух и свет. Только потеряв ее, мы сознаем, что без нее жить нельзя.
>
> **Маттеотти.**

Приступая к изданию «Свободы», мы ставим себе целью, в первую очередь, преодоление того разброда в эсеровских рядах, который явился следствием понесенного нашей партией, как одной из составных частей российской демократии, тяжкого исторического поражения. Это преодоление требует прежде всего самого откровенного, безбоязненного обсуждения всех острых вопросов, разделяющих ныне членов Партии социалистов-революционеров. Ставя на обсуждение все эти вопросы, «Свобода» будет стремиться к нахождению на них ответов, соответствующих старым эсеровским заветам народничества, социализма и демократии. Верность этим заветам объединяет всех участников нашего журнала.

Эта верность не только не исключает критического подхода к усвоенным ранее нашей Партией решениям, как программного, так и тактического характера, но, по нашему глубокому убеждению, предопределяет его. Только коренной пересмотр этих решений на основе опыта, вынесенного из переживаемых Россией и всем миром катастроф, может указать, какие из этих решений сохраняют и ныне свое значение и какие должны быть отброшены. «Свобода» открывает свои столбцы для этого пересмотра, не ставя ему никаких границ, кроме одной: соответствия принципам демократического социализма.

Есть, однако, некоторые положения, которые мы считаем окончательно решенными. К ним относится, прежде всего, признание безусловной ценности свободы человеческой личности и народовластия, как единственной формы государственного устройства, обеспечивающей эту свободу. Давая нашему журналу название «Свобода, мы сделали это, конечно, не потому, что ставим политический момент выше социального. Нам представлялось лишь, что именно теперь, когда с разных сторон воздвигнуто такое небывалое гонение на свободу, особенно необходимо утверждать в борьбе против коммунизма и фашизма идею незыблемой моральной ценности человеческой личности и человеческого достоинства, идею неразрывной связи между свободой и социальной правдой. Для нас эти два одинаково самодовлеющих понятия нерасторжимы.

Отсюда наше коренное отрицание всякой диктатуры. Нам ненавистны все формы попрания прав человека и гражданина и мы защищаем право революционной борьбы со всеми диктатурами, какими бы лозунгами — коммунистическими или фашистскими — они не прикрывались. Мы не переоцениваем шансов на победу в России реставрационных и фашистских групп, относясь с доверием к сознательности трудовых классов России. Этот наш оптимизм не снимает с нас, однако, обязанности бороться всеми силами с реакционными и монархическими течениями.

Мы свободны от всяких иллюзий относительно значения происходящих ныне в России процессов. Октябрьская контр-революция, разрушив в России капи-

питалистический строй, не могла — именно потому, что это была контр-революция, т.-е. уничтожение демократии,—приблизить нашу родину к социализму. Существующий ныне в России хозяйственный строй основан на еще большей эксплоатации трудящихся в пользу привилегированного правящего слоя, чем строй капиталистический. Видеть в этом строе какие то зачатки социализма значит только компрометировать социализм. Мечтать о непосредственном переходе от этого строя к социалистическому значит готовить себе самое горькое разочарование.

Исповедуя принципы демократического социализма, мы будем стремиться к укреплению связи нашей Партии с международным социалистическим движением и его органом, Рабочим Социалистическим Интернационалом. Как социалисты, верящие в идеал международной солидарности трудящихся, мы считаем себя в праве расчитывать на моральную поддержку Рабочим Социалистическим Интернационалом российских социалистов в их борьбе против большевицкой диктатуры. Как российские граждане, мы будем решительно бороться с теми течениями Рабочего Социалистического Интернационала, которые недостаточно считаются с законными правами и жизненными интересами русского народа. Мы являемся принципиальными противниками каких бы то ни было соглашений Рабочего Социалистического Интернационала с Коминтерном.

Если нет социализма без свободы, то нет и искания правды без внутренней свободы. С доверием и уважением мы отнесемся к каждому искреннему и честному исканию правды-истины и правды-справедливости.

Очередной лозунг

Когда то, в начале большевицкой диктатуры, в партии социалистов-революционеров — ушедших левых я не считаю — существовало совершенное единство в оценке установленного Лениным режима: **реакция и контрреволюция.**

Помню, в издававшейся в Ревеле эсеровской газете «Народ» в 1920 году в статье только что выбравшегося тогда из РСФСР В. М. Чернова, посвященной третьей годовщине октябрьского переворота, каждый раздел заключался именно этой фразой о природе большевистской диктатуры: реакция и контрреволюция.

Когда то, в начале правления «рабоче-крестьянской власти», в партии социалистов-революционеров существовало совершенное единство в определении основной цели борьбы с большевизмом: **восстановление народовластия.**

Всем казалось самоочевидным, что режим реакции и контрреволюции никаким образом и ни на каких путях не может привести ни к социализму, ни даже к возможности его строительства.

Всем казалось самоочевидным, что строительство социализма возможно только в обстановке совершенной самодеятельности трудящихся классов населения; такая самодеятельность абсолютно невозможна, конечно, вне **общей свободы,** т.-е. вне последовательно установленной во всех областях государственной жизни **демократии.**

В первый период большевистской диктатуры, во время гражданской войны, партия социалистов-революционеров — и в этом ее историческая гордость — была единственной большой российской политической партией, ни разу не уклонившейся от лозунга политической свободы, от пути народовластия, и ни разу не соблазнившейся слева и справа идущими зовами диктатуры.

Думаю, что в этой непоколебленной ни разу предапности началу народовластия сказалась, как и во многих других пунктах программы, глубокая почвенность, именно национальность российского народничества.

Октябрь, как и всякая эпоха правительственной реакции и контрреволюции, породил внутри России и в эмиграции многообразные **упадочные** общественные настроения. Здесь не место рассматривать всю гамму, так называемых, пореволюционных течений. Они все, почти без исключения, имеют общий и весьма характерный знак: отрицание свободы, отрицание неразрывной связи между процессами социализации и демократизации государственных и хозяйственных установлений человеческого общежития.

В социалистическом секторе общественного мнения пореволюционная упадочность, некая политическая реакционность, весьма резко проявилась в разрыве связи между понятиями «свобода» и «социализм», в возвращении к авторитарным умонастроениям некоторых групп и сект самого начального, можно сказать, эмбрионального периода, так называемого, утопического социализма. Не характерно ли, скажу тут мимоходом, что и «научнейший» в изложении Ленина марксизм выродился при сталинизме в крайнюю, отвергнутую жизнью утопию — утопию подчинения всех хозяйственных процессов страны «воле» правителей?

В высказываниях некоторых вождей западно-европейского социализма, особенно в высказываниях главарей, так называемого, австро-марксизма, идеологическая реакция, упадок социалистического идеализма проявляется с некоторой осторожностью, с соблазнительной двусмысленностью. Западным социалистам не предлагается отказаться от методов демократического социализма, им только рекомендуется — для создания единого фронта с Коминтерном — признать полную возможность насаждения социализма и методами насилия, методами антидемократии, диктатуры.

Соответствующая формула Отто Бауэра появилась совсем недавно. Однако все весьма широкое и давнишнее уже увлечение на социалистическом Западе сталинскими «социалистическими достижениями» вытекает именно из этой упадочной после-военной, пореволюционной душе- и умонастроенности: из потери ощущения единосущности социализма и свободы, свободы и социализма.

Правда, некоторым оправданием — хотя лично я в данном случае к никаким оправданиям не склонен — людям Запада может служить самая отдаленность плацдарма, на котором производится эксперимент социализма без свободы, совершенное незнание Западом подлинной сущности происходящего в СССР. При некоторой духовной слепоте можно, может быть, издали принять чиновничье-дисциплинированную деятельность сталинских аппаратчиков и их одушевленных роботов за широкую самодеятельность трудящихся классов.

*

Вот такой слепоты не может быть у русских социалистов! У них она ни психологически, ни логически невозможна или, правильнее сказать, совершенно необъяснима, ибо российский социалист твердо должен знать по крайней мере одно: он оказался «врагом народа» только потому, что в России уничтожено всякое проявление свободной деятельности трудящихся классов сделано невозможным какое либо с их стороны волеизъявление.

Для нас, русских, никакая двусмысленность в постановке вопроса о связи социализма с демократией недопустима, ибо мы никак не можем и **не смеем** принять административный восторг угнетающих за свободный энтузиазм угнетенных. Не желая вступать в полемику и тем паче злорадствовать, я должен здесь со всей решительностью, однако, подчеркнуть, что во внутрипартийном споре эсеров о наличии или отсутствии в большевицкой хозяйственной системе элементов подлинного социализма победили те, кто наличие таких элементов в хозяйстве крепостного государст-

венного капитализма **начисто отрицал,** опираясь на основную идею всего социал-революционного народнического мировоззрения: **вне свободы нет социализма.**

Еще недавно острый соблазн в ряды социалистов-революционеров вносили сталинские колхозы. Эта восстановленная крепостная барщина представлялась некоторым подлинным, хотя и невежественно осуществляемым, опытом насаждения социализма в деревне. Наиболее смелым энтузиастам уже чудились живые, подлинные эсеры, содействующие на местах колхозному строительству.

Я думаю, что проявлю неуважение к читателю, если после всего нам известного о чудовищном разгроме самых основ крестьянского земледелия, совершенном в четыре года Сталиным, стану здесь доказывать неприемлемость для социализма коллективизации деревни на большевицкий образец.

Ставка на колхозы, как на элемент подлинного социализма в советской системе хозяйства, жесточайшим образом и бесповоротно бита; бита небывалой еще в истории диктатурой голода, который господствует теперь на всем пространстве СССР.

Еще упорнее, чем в земледелии, некоторые члены партии социалистов-революционеров, впавшие в состояние пореволюционной упадочности, находили элементы социализма в индустриальном большевицком строительстве, в особенности в строительстве пятилетки. Получилась довольно странная, но логически оправданная коалиция социалистов, мнящих себя очень левыми, с разного рода «антикапиталистическими» группировками весьма правого во всем остальном умонастроения. Евразийцы, младороссы, утвержденцы и прочие носители идей эмигрантской «пореволюционной» молодежи с большим восторгом одно время относились к сталинскому «строительству социализма в одной стране», видя в этом строительстве пример построения социально более справедливого, чем капитализм, хозяйственного строя, но строя без свободы, без ненавистной им политической демократии.

Теперь эта «пореволюционная» молодежь, отнюдь не понимая еще неразрывной связи подлинного антикапитализма (т.-е. социализма) со строем политической демократии, забывает свой сталинский энтузиазм, ошеломленная картиной нынешнего нарастающего разгрома советской промышленности вплоть до распада самых прославленных гигантов, вроде Магнитогорска. Но вульгарное понимание антикапитализма, простительное и понятное у поколения, захваченного войной с юных лет и тем лишенного всякой научной и общественной традиции, совершенно недопустимо в рядах политически и культурно зрелых социалистических деятелей. Для них должно быть совершенно неоспоримо положение, что строительство социалистической промышленности при наличии всех прочих для этого хозяйственных предпосылок, о которых я здесь не буду говорить, невозможно во всяком случае без наличия в стране свободного пролетариата, автономно организованного, как класс.

Уничтожение частного хозяина и сосредоточение всех хозяйских прав в руках единого всевластного государства или еще хуже — в руках частно-партийной диктаторской организации, захватившей в свои руки распоряжение всем хозяйством и всеми хозяйственными благами страны — отнюдь еще не меняет самую капиталистическую природу данной экономической системы, а только вызывает стремительную деградацию высшего современного типа капитализма в формы капитализма самого примитивного, наиболее вредного стране и враждебного интересам трудящихся классов.

Социализм — это ведь не только обобществление орудий производства и плановость всего народного хозяйства — достижимые, впрочем, только «в мировом масштабе»—это еще **— и это, может быть, самое главное,** — гармоническое сотрудничество разнообразных самодеятельных организаций производителей и потребителей, сотрудничество, создающее весьма сложную и дифференцированную систему национального и интернационального хозяйства. И вся эта сложнейшая и труднейшая для управления система обобществленного хозяйства в конечном счете опирается на свободную, сознательную и чрезвычайно ответственную деятельность человека.

Если по словам такого далекого от всякого либерализма военоначальника, как маршал Фош, современная сложная техника машинизированной армии требует солдата с исключительно высоко развитой инициативой, то можно ли представить себе сверхиндустриализированную обобществленную промышленность без рабочего, воспитанного на началах самодеятельности и личной ответственности?

Ничто так не разрушает социально здоровые свойства человеческой природы, как отсутствие свободы в общественной и государственной жизни. Большевицкая диктатура развернула систему несвободы до размеров до сих пор небывалых.

Нынешний всесторонний хозяйственный развал России есть неизбежное следствие большевицкой реакции и контрреволюции; следствие, которое заранее должно было быть предусмотрено именно социалистами, самая деятельность которых немыслима при отсутствии самодеятельности трудовых классов населения.

Вот почему, мне кажется, первоочередным нашим лозунгом в борьбе с большевизмом должно быть:

свобода,
восстановление народовластия,
демократия.

А. Керенский.

Неотложная задача

Первоочередной задачей Партии в настоящий момент является пересмотр ее программы. Без этого нельзя мыслить действительного и действенного ее возрождения.

Основной принцип — демократический народнический социализм — остается незыблемым. Но его конкретное развитие и применение к фактам действительности должно вытекать из наблюдения и анализа этой действительности. Много воды утекло с тех пор, как создалась программа Партии. Мировая обстановка — и в особенности события на родине — поставили совершенно новые проблемы, создали существенно новое положение. Как осмыслить сегодняшний день, чтобы завтрашний не застал врасплох, чтобы можно было плодотворно действовать в измененной обстановке завтрашней России? Такова задача, встающая перед Партией.

Попытки решений отдельных проблем все время производятся в нашей повременной литературе. Но нет еще целостного синтеза этих решений и ответов. А между тем, он прежде всего необходим: он вдохнет новую энергию в старые кадры Партии и — что еще важнее — он сделает активным прозелитизм, без которого не может существовать ни одна партия: по успехам его познает она свою жизненность.

Уже теперь с достаточной вероятностью можно предвидеть, что работа эта пойдет не по одному руслу и даст неодинаковые результаты в уже наметившихся различных группировках Партии. Каждая по своему учтет опыт и данные жизни. И, быть может, в результате будет расхождение. Но и при этих условиях работа должна быть произведена. Боязнь расхождения не должна помешать предельной отчетливости программных построений. Для конкретного политического действия необходим и единственно целесообразен принцип Цезаря: кто не против меня, тот со мною. Но в вопросе построения программы — в особенности в данный момент — не должно быть компромиссных и многосмысленных формул. Только до конца ясная позиция может дать нужную энергию и привлечь сторонников.

Но наряду с этой, заданной историей, темой — стоят и другие по существу, может быть, и производные, но практически для Партии не менее важные. И первая из них — организация Партии в настоящих условиях, организация ее кадров.

Нашу Партию постигла общая всем русским политическим партиям участь: постепенная дезорганизация и распад. Большевицкий политический террор, задушивший всякую

свободную политическую жизнь в стране, раздавил и политические партии. Наша Партия — в течение первых лет наиболее решительно вступившая на путь борьбы с захватчиками власти, более многих других понесла жертв и людьми, и объединениями, когда победа окончательно осталась за диктатурой коммунистов.

Разрушение Партии шло постепенно. Первое время сохранялось еще значительное число организаций, бывали Советы Партии (последний — десятый — в 1920 году), существовал в России Центральный Комитет. Правда, существование это было очень тяжело и случайно. Организации центральные и местные разрушались, состав их менялся. Но оне возрождались вновь, продолжали борьбу и держали связь между собою. Затем, количество организаций, связанных с центром, упало. Ослабел сам центр. Центральный Комитет был заменен Центральным Бюро. Наконец, вот уже несколько лет никакие партийные инстанции или лица за-границей не имеют никаких связей с какою-либо партийной организацией в России. Несомненно — и даже наверное — отдельные группы сохранились, но сношений с ними нет, и о жизни их мы не имеем точных сведений. Поэтому нам, живущим за-границей членам Партии, практически приходится пока действовать так, как если бы Партия в России не существовала.

В свое время, когда существовал Центральный Комитет, он принял два решения по отношению к за-границе. Во-первых, он создал, так называемую, Заграничную Делегацию Партии, а во-вторых, дал заграничным группировкам в разных городах зарубежья права и полномочия групп Партии и объединил их все в одну партийную Область.

Главной задачей Делегации было представительство Партии во вне — и особенно в Социалистическом Интернационале — и проведение в жизнь партийных решений и постановлений Центрального Комитета. Кроме того она должна была способствовать работе российских товарищей. Делегация имела право кооптации с утверждением каждый раз русского центра.

Уже вскоре после создания Делегации выяснилось расхождение ее настроений с настроениями значительного числа членов Партии за-границей. Кооптация определенных элементов и уход других еще ярче подчеркнули это расхождение. Отчуждение увеличивалось. Создавалось парадоксальное положение, когда существовавшие рядом с Делегацией партийные группы и организации не могли фактически никак

влиять на ее поведение. Это становилось тем более тяжелым,
что реже, нерегулярнее и случайнее делались сношения Де-
легации с русским Центром. Это стало совершенно ненор-
мальным, когда сношения эти окончательно прервались. Ди-
рективы Центра заменялись поневоле собственными реше-
ниями фракционно подобранной Делегации или ссылками че-
рез многие годы (и какие годы!) на решения последнего Со-
вета Партии, происходившего в 1920 году в определенной об-
становке и при определенных, обусловленных этой обстанов-
кой, настроениях.

Это обстоятельство не могло не дезорганизовать всей
жизни Партии за-границей. С одной стороны, Заграничная
Делегация, имеющая права и полномочия, но оторванная от
уполномочивших ее и сознательно отгородившая себя от жи-
вого и ответственного взаимодействия с теми партийными
организациями, с которыми она только и могла быть связа-
ной. А с другой — эти организации, лишенные и прав, и
ответственности как раз в решении тех вопросов, которые
здесь, за-границей, для Партии наиболее остры и жизненны.
В результате — бездействие одних от партийной анемии, а
других — от бесправия.

Наконец, Делегация, оберегавшая себя столь ревниво от внешних организационных влияний заграничных партийных образований, не уберегла себя от внутреннего разложения, которое было неизбежно в атмосфере изоляции. Делегация распалась на две группы и тем фактически самоупразднилась. Об этом самоупразднении объявили сами члены бывшей Делегации и тем утвердили его. Социалистический Интернационал пытался наладить какое нибудь соглашение между обеими частями Делегации хотя бы для ограниченной задачи представительства Партии в Интернационале. Но и эта попытка кончилась неудачей.

Такое положение длиться не может. Если Партия не хочет признать себя окончательно бездейственной, она должна выполнять свои задачи. А выполнение их немыслимо без существования соответствующих партийных органов. Разумеется, мы первые с восторгом приветствовали бы нормальное решение вопроса. Но к сожалению, оно зависит не от нас: для этого должны существовать в России и организованная Партия, и ее политический Центр. Пока же этого нет, пока для партийной за-границы не существует партийной России — партийная за-граница должна существовать для партийной России. Заграничная организация должна взять на себя

О советской „коллективизации“

Под знаком проводимой большевиками «коллективизации» в русской деревне вот уже пять лет происходит грандиозная ломка вековых устоев ее земельного строя, разгром обычной организации трудового хозяйства, всего бытового уклада крестьянской жизни. Совершаются события, надолго определяющие судьбы России. В смертельной схватке с крестьянством разыгрывается последняя, решающая ставка обанкротившегося режима.

Установить ясное, недвусмысленное отношение к трагедии русского крестьянства — обязанность каждой политической партии, моральный долг каждого русского человека в отдельности. Тем обязательнее предельная отчетливость позиции для партии народнической, с ее своеобразной аграрной программой, которая целиком выведена из крестьянского земельно-бытового уклада, ныне обрекаемого большевиками на уничтожение. И, быть может, ни в чем с такой очевидностью не обнаруживается переживаемый нашей партией глубокий идейный кризис, как в отсутствии единства в ее рядах даже в признании явно антинародного, катастрофического для России характера проводимой большевиками новой земельной «революции». Приходится, к сожалению, считаться с тем, что победные реляции с колхозного фронта внесли немалый соблазн в круги с.-р. эмиграции.

Разумеется, безоговорочных симпатий к советской коллективизации в партийной с.-р. среде быть не может, — слишком уж вопиют к небу связанные с насильственным ее проведением большевицкие злодеяния. Но, оставляя в стороне варварские методы большевиков, — в понимании самого существа коллективизации, в оценке ее социально-экономических перспектив известная часть зарубежных с.-р. проявляет большую неуверенность, пребывая на промежуточных позициях не то полу-отрицания, не то полу-признания положительного значения советской коллективизации.

Одним из первых в нашей среде, уверовавшим в целесообразность колхозной политики большевиков и в действительное сочувствие ей крестьянства, был покойный О. С. Минор. В самой стремительности темпов сплошной коллективизации он усматривал неопровержимое доказательство добровольного устремления крестьянства в колхозы, — «нельзя же было громадную крестьянскую массу загнать в колхозы силою», аргументировал он. В своем партийном патриотизме О. С. Минор даже не прочь был видеть в «успехе» коллективизации торжество нашей, народнической идеи: большевики, пусть в извращенном виде, все же осуществляют «пункт нашей программы о кооперации». И потому, «как социалист», он не боялся «тех мероприятий, которые приводят крестьян к коллективному труду». — Никто, конечно, не усомнится в испытанной преданности О. С. Минора идеям народничества и социализма, но именно потому такие его суждения, высказанные в самый разгар большевицкого террора в деревне (в 1930 году), не могли не произвести на

посильное обслуживание всех интересов Партии — как международных, так и российских. Заграничная часть Партии, единственно сохранившая возможность свободных организационных действий, должна вести работу восстановления Партии. Необходимо создать от имени того, что уцелело в Партии, и международное представительство, и временное организационное бюро. Так было в прошлом, так должно происходить и теперь.

И за примером ходить недалеко. Итальянская Социалистическая Партия в том же положении, что и мы. Фашистская диктатура временно разбила ее кадры в Италии, сделала невозможной открытую и планомерную работу ее там. Задачи партии взяла на себя итальянская социалистическая эмиграция. Она создала и рабочий центр, и представительство в Интернационале. Нам могут возразить, что итальянская организация за-границей и количественно, а, быть может, и качественно сильней нашей. Мы, разумеется, жалеем, что мы слабее, но это не должно и не может менять положения, ибо иного выхода нет. Нам могут возразить, что Социалистический Интернационал не признает Делегации, созданной лишь заграничной организацией. Но тогда он будет непоследователен, так как он допустил такую делегацию от Италии. Но если бы случилось даже и это, наша акция будет все же оправдана: мы по крайней мере не останемся бездейственными свидетелями дальнейшего анабиоза партийных органов. И если нашей делегации не признает официально Интернационал, она все таки для социалистического общественного мнения будет выражать позиции организованной в данный момент части Партии. И, наконец, не одна задача представительства в Интернационале требует своего разрешения в данный момент от тех, кто не перестал верить в возрождение Партии и кому дана возможность открыто строить хотя бы один ее отряд.

Мы провозгласили принцип демократии в нашей программе. Проведем тот же принцип и в нашей партийной практике. Создадим демократическим путем, поскольку это теперь нам возможно, необходимые для Партии — пусть временные — органы, которые должны обслуживать ее интересы.

Только таким путем вовлечения всех в работу и возложения на всех ответственности может окрепнуть Партия и организационно, и духовно.

Н. Авксентьев.

Демократия и социализм

Прошло пятнадцать долгих лет, как партия с.-р. сошла с авансцены русской политической жизни, которую заняла после февральской революции. После двойного предательства: **слева** — в Петербурге-Москве в октябре 1917 г. и **справа** — в Архангельске-Омске в сентябре и ноябре 1918 г., вместе с п. с.-р., оказалась надолго смятой — а частично и «выведенной в расход» — та «третья сила», равнодалекая и левому, и правому большевизмам, которая старалась, увы, безуспешно предотвратить гражданскую войну. Вопреки всем надеждам и расчетам жесточайшее и длительнейшее междуусобие не минуло нашей родины. Провозглашенные Февралем начала права и свободы не удалось воплотить в жизни. Из анархии Советская Россия вступила в полосу небывалого в мире деспотизма, которому сейчас как будто вновь предстоит выродиться в анархию.

Еще не наступил, к сожалению, момент для подведения заключительных итогов этому несчастнейшему и постыднейшему советско-большевицкому периоду русской истории. Но и сейчас, в свете уже прожитого и пережитого, можно проверить правильность позиции, определявшей политику партии в прошлом и по сей день вдохновляющей одни партии и внутренне раскалывающей другие.

***

Если схематически формулировать социально-политический смысл изжитого нами 15-летия, я бы сказал: смысл его в том, что **видимые поражения демократии неопровержимо свидетельствуют о внутренней незаменимости демократии не только как пути к социализму, но и как ценности самодовлеющей.**

Октябрь пробовали изображать, как неизбежное в революционное время отпадение от демократических принципов, которое будет исправлено и во всяком случае искуплено броском в сторону социализма. «Соглашатели» с большевиками пытались уверить, что диктатура будет носить лишь временный характер и что лишь страдающие «парламентским кретинизмом» социалисты могут отказаться от поддержки «рабоче-крестьянской» власти и тем более бороться против нее с оружием в руках. Однако, и крайним пессимистам не дано было предвидеть тех катастрофических последствий,

многих самого тягостного впечатления. Не даром они со злорадством были в свое время отмечены в большевицкой прессе.

Дальнейшее показало, что заявление О. С. Минора — не случайная только его личная обмолвка: те-же настроения, повидимому, преобладают в кругах с.-р., группирующихся около журнала «Воля России». С выступлением О. С. Минора счел нужным полностью солидаризироваться один из редакторов «Воли России», В. В. Сухомлин, в статье, направленной против А. Ф. Керенского. В той же «Воле России» — и в том же страшном 1930 году — была помещена сочувственная советской коллективизации статья С. Верещака. Со всеми полагающимися оговорками о досадных «искажениях» колхозной идеи большевиками, С. Верещак утверждает хозяйственные и культурные преимущества советских колхозов перед единоличным крестьянским хозяйством, их «большую продуктивность», благодетельное «общественно-воспитательное значение» и пр. Пытаясь доказать недоказуемое, С. Верещак весьма упрощает себе задачу: с одной стороны он, покидая народническую традицию, отрицает за единоличным трудовым хозяйством и за «старыми несовершенными общинными формами» (!) всякую способность к агротехническому прогрессу, с другой — произвольно ставит знак равенства между советской «коллективизацией» и обычной с.-х. крестьянской кооперацией западно-европейского типа.

Наши «левые» неизменно обнаруживают склонность с излишним доверием относиться к легендам о советских «достижениях», — черта, характерная вообще для левых кругов всех социалистических партий. Но это естественно и понятно у русских левых с.-д. меньшевиков, для которых, вместе с О. Бауэром и Ф. Адлером, советский режим — власть как-ни как своей, марксистской партии, продолжающей, при всех ее преступлениях, традицию «русской революции» и пытающейся осуществить все же какой-то «социализм». К тому же и крестьянская проблема для меньшевиков всегда имела лишь тактическое значение, в данный момент определяемое в значительной мере навязчивой идеей об угрожающей кому-то или чему-то крестьянской «контр-революции», предотвратить которую можно лишь сохранив «шефство» сознательного пролетариата над темным русским мужичьем. Позиция официальной «РСДРП» поэтому и в отношении колхозной политики советской власти могут быть только оппортунистическими. Иное, казалось бы, положение партии народнической, в частности т. н. «левого» крыла партийных с.-р. Поскольку марксистская идеология нашим «левым», надо полагать, чужда в самой основе, а кровные интересы крестьянства должны бы быть близки и дороги, — их колхозные симпатии вовсе непонятны: разве что и в данном случае действует малодушная, много повредившая нашей партии в прошлом привычка непременно оглядываться на патентованных социалистических соседей слева,.. в свою очередь ориентирующихся на своих еще более левых соседей.

Во имя беспристрастия, необходимо признать, что соблазненных «успехами» коллективизации можно встретить не

которые имел октябрьский захват власти — чтобы «обеспечить» созыв Учредительного Собрания, «саботируемый» Временным Правительством, чтобы покончить с грабительской войной и, заодно с ней, с империалистами, чтобы передать землю трудящимся для последующей ее «колхозизации» в пользу правящей партии и т. д., и т. д.

На русском опыте мы — и мир с нами — могли наглядно убедиться в пагубности попытки **без** демократии, как определенной политической системы и действующего агента истории, и тем более **вопреки** демократии перейти в стадию социализма или в переходную к социализму стадию. Мы предсказывали безнадежность и зловредность такой утопии. В благостности достигнутого результата сейчас усумнились и те немногие, преимущественно из оппозиционных и опальных коммунисты, которые еще не совсем утратили способность реалистического подхода к событиям и вещам.

Большевицкая попытка имела потрясающие последствия не только для России, но и для всего мира. Потрясены были не только индивидуальные и коллективные «сознания» социалистов Европы, в буквальном смысле потрясены были самое «бытие» и организационные устои социалистических партий. Ибо впервые в истории в таких огромных масштабах — огромных во времени, в пространстве, в напряженном и принципиальном отрицании — упразднена была демократия левыми руками, отменена была свобода не во имя установления и сохранения старого «порядка», а во имя свободы, для углубления и завершения несовершенной и ограниченной политической свободы свободой целостной и всесторонней, социалистической.

И то, что называло себя «социализмом», пошло крестовым, беспощадным походом против того, что им обзывалось «буржуазной» или «формальной» демократией. Строители «нового мира» и творцы «высшей морали» превзошли в этом походе худшие образцы самых мрачных периодов человеческого угнетения. Они дали тем самым отныне и впредь насильникам всех стран и народов моральное оправдание их грехов и преступлений, ибо, при всем отличии их целей от целей большевиков, свое насилие они не выдают за качественно иное или высшее по сравнению с тем, какое практикует весь прочий погрязший в буржуазной скверне мир.

Большевицкая практика — и теория — не только дала моральное отпущение насильникам всего мира, она и вдохновила многих из них своими увлекательными образцами. Игра на низменных страстях человека, на его природной

вражде и зависти к «чужому» — будь то класс или раса,
исповедание или политическое убеждение, — как и подме-
на обещаниями материального благополучия реальных благ:
свободы мысли, труда, устройства собственной судьбы, —
вошли прочным элементом в общий «инвентарь» по-больше-
вицких диктаторов и диктатур в Европе. Если в царство
социализма можно вгонять мерами ГПУ, почему в интере-
сах «третьего царства» Герингу не устроить свое ГПП (ге-
хайме политише Полицай)? Почему не захватить и не «ис-
пользовать» в собственных, партийных интересах междуна-
родный праздник 1-го мая? Почему вместо «пятилетки в че-
тыре года» не провозгласить «четырехлетки» на все время
исключительных полномочий гитлеровского правительства?
Почему не подкупить рабочих бесплатными катаниями на
аэропланах, как подкупают их советскими «путевками», са-
наториями, кинематографами? И т. д и т. п.
«Социалистические» ухватки большевиков стали предме-
том широкого экспорта и самобытного творчества исконних
врагов демократии и свободы. «Социализм», основанный на
приказе начальства и беспрекословном подчинении подвласт-
ных пришелся весьма по вкусу исконним милитаристам и им-
периалистам всех стран и народов. **Такой** социализм они не
только приняли, но готовы его усердно пропагандировать и
насаждать вместо «марксистов» или даже вместе с ними.
«Хлеба и зрелищ» стала сулить программа всякого очеред-
ного кандидата в диктаторы. Ветхий деньми «меч кесаря» и
иезуитская мораль о беспрекословном повиновении — Cada-
ver esto — были, с легкой руки большевиков, провозглаше-
ны новыми скрижалями революционного завета, созвучной
новой «коллективистической» эпохе взамен «буржуазных»
прав человека и гражданина. Все современные «вожди» и
«партийцы» оказались на один лад и на общий образец,
независимо от различий в содержании своих конечных це-
лей. Взывает ли своенравие к своекорыстию господствующе-
го класса или к гордыне господствующего племени, нацио-
нальная или интернациональная этикетка творимого насилия
не меняют объективных результатов и принципиальной его
сущности — бесчеловечности.

❦

Не только реакционеров и реставраторов соблазнили и вдохновили большевики. Они соблазнили и добрых демократов, усомнившихся в том, что демократия **единственный**

путь к социализму. Может быть, и в царство социализма, как к Богу, ведет множество путей; для некоторых же, отсталых стран путь диктатуры — конечно, временной: что значат какие-нибудь пятнадцать или даже пятьдесят лет по сравнению с исторической вечностью, — может быть, и положительно показан?!.

Рядом с демократами, соблазнившимися «трудократией» и «советовластием» по соображениям быстротечной тактической конъюнктуры, появились и такие, которые отвергли демократию не за ее недостатки, а, наоборот, за ее недосягаемые для ближайшего исторического периода достоинства: не демократия — хронологическая и социально-политическая предпосылка социализма, а, наоборот, социализм — предпосылка демократии.

Мы скажем словами Вольтера: тех, кто откровенно отрицает демократию, мы предпочитаем тем, кто ее компрометирует.

Нет той цели, которая могла бы примирить человеческую совесть с изначальным ее отталкиванием от насилия над ним, от издевательства над образом человека, от надругательства над его неотменимым правом жить, трудиться, мыслить и верить. Тот якобы коллективизм, которым прикрывают свое насилие «социалисты» всех нюансов, есть лишь новая форма старого феодально-цехового закрепощения властью своих «ограниченных разумом» подданных. Средневековая природа нынешнего пролетарски-классового или национально-расового деспотизма изобличается тем, что входящие в общий коллектив — СССР или пробужденной Германии — отдельные «союзы» и «советы», «республики» и «корпорации» и т. д. преисполнены не духа взаимной солидарности и внутренней свободы, а старого частно-хищнического отталкивания от конкуррентов.

От того, что «эксплоатация человеком человека» производится не в форме «свободной игры» отдельных эксплоататоров, а путем рационализованной, по Тэйлору и по Сталину, эксплоатации человека организованными в единую и единственную партию людьми, — положение, конечно, меняется лишь в худшую, более невыгодную для эксплоатируемого, сторону. «Социальное», коим спекулируют просвещенные социализмом диктаторы нового времени, стараясь покрепче забить кол над погребенными ими правами индивида, есть не преодоление капиталистической и буржуазной индивидуальной свободы, оно есть возвращение к до-капиталистической эксплоатации лишенного всяких прав человека наделенными привиллегиями и монополиями, внешними и внутренними, цехами, сословиями, церковью и т. д.

Инсинуация Спенсера о социализме, как уравнительной каторге в нищете и бесправии, усилиями русских социалистов-большевиков перестала, увы, быть лишь инсинуацией. Большевицкий «социализм» лишает социализм не только морально-политического смысла, но и вообще всякого смысла. Социализм утрачивает черты новой формы человеческого общежития и возвращается к старым, уже изжитым историческим образцам.

То, что наша партия разумела и разумеет под социализмом, так же далеко от большевицкой его карикатуры, как утробный, с звериным рыком «расист» или «коммунист» далеки от образа человека. И помимо прочих, тысячи и одной причины, почему «социализм в наше время» неосуществим? Он неосуществим сейчас, в частности, и потому, что оказались возможны в качестве творцов и пропагандистов социализма такие его адепты, как большевики и национал-социалисты!

Что социализм родится сам собой, — это перестали утверждать, в это перестали верить и самые убежденные марксисты. Но что социализм нельзя «сделать» или «родить», это с невероятной расточительностью при постановке «опыта», доказали, если не себе, то миру, те же большевики. Они ли не были «людьми дела», не гнушимися и не сгибающимися ни перед какими политическими «предрассудками» или законами буржуазной экономики, не останавливающимися ни перед чем «волюнтаристами»?!. Не тревожимые вот уже свыше 12 лет, наоборот, выгодно использовавшие всяческую помощь мира, от наивного энтузиазма одурачиваемых невежд и до стяжательских инстинктов капиталистических хищников, беспощадно истребляя всех несогласных с «генеральной линией» не на деле, а хотя бы в невысказанном помышлении своем, губя и растлевая целые поколения русских людей, — чего достигли они? Практики, вдохновившей Муссолини и Гитлера!

Политическая демократия, конечно, не обеспечивает социализма, предполагающего развитую сеть демократии в разных областях. Но политическая демократия такая же предпосылка социализма, какой для нее самой являются неотменимые ни временем, ни пространством права и свобода человека.

исключительно только на левом фланге с.-р. эмиграции. Правда, среди «правых» с.-р. в колхозные миражи уверовал до сих пор, кажется, только один И. И. Фондаминский, но нельзя забывать, что он заслуженно считается в нашей среде одним из лучших знатоков если не русской деревни, то русской аграрной проблемы в ее теоретической постановке. Мы не можем здесь подробно останавливаться на туманных, быть может еще недостаточно для самого И. И. Фондаминского выяснившихся его построениях, в которых собственные спорные философско-исторические идеи автора «Путей России» причудливо сочетаются с его увлечением сомнительной эмигрантской «пореволюционностью». Беда И. И. Фондаминского в том, что он загипнотизирован увлекающей его исторической схемой: Россия — восточная теократия, подобная древнему Египту. Но нельзя безнаказанно под условную архаическую схему подгонять всю сложность исторических судеб, все многообразие духовной культуры великого народа, живущего в XX веке, — неизбежно получится односторонняя стилизация. Такой ложной исторической стилизацией, насилием над живой правдой являются и взгляды И. И. Фондаминского на современное положение в Росии, в частности на перспективы советской коллективизации. Он не отрицает того, что коллективизация проводится насильственно; это не мешает ему верить в возможность огромных хозяйственных достижений на основе труда закрепощенного государству крестьянства. Так было в древнем Египте — а потому вполне возможно и русский народ, не в пример остальным цивилизованным народам в XX веке, заставить работать из под палки, без вредных последствий для производительности его труда. Поэтому И. И. Фондаминский до самого последнего времени, вопреки очевидности, упорно продолжает утверждать, что в русском сельском хозяйстве, в результате его насильственной коллективизации, происходит не катастрофическое падение производительных сил, а неслыханный их **рост**, и это несмотря на бесспорные свидетельства о повсеместном недоедании, а местами и прямом голоде в России.

Народническому сознанию трудно мириться с таким своеобразным представлением о характере русского крестьянства. Но попытки И. И. Фондаминского еще как-то «религиозно осмыслить», в духе известных бердяевских софизмов, новую крепостную зависимость, покоробят, полагаем, и подлинное религиозное чувство. В вынужденной покорности крестьянства И. И. Фондаминский видит не внешнее только подчинение побежденных в неравной борьбе временно восторжествовавшему насилию, а внутреннее со стороны крестьянства мистическое приятие этого насилия, религиозное освящение рабского труда, во имя некой осуществляемой народом **совместно с властью** возвышенной миссии. Выполняя каторжную пятилетку, народ, вместе с «нечуждою ему властью», «строит **свои** пирамиды», как строили их в Египте голодные рабы, исполняя священную для них волю своих фараонов. Так власть предвзятой идеи, надуманной кабинетной схемы, независимо от субъективных намерений и чувств И. И. Фондаминского, приводит к идиллической стилизации мрачной, пропитанной слезами и кровью действительности, самого отвратительного из преступлений советской власти.

Если наших левых в большевицкой коллективизации способен смутить скорее мнимый «социалистический» ее характер, то источник соблазненности такого «правого», как И. И. Фондаминский, лежит в иной плоскости. Его надо искать в характерной эволюции взглядов И. И. Фондаминского на осуществимость принудительной организации народного хозяйства. В 1923 году, в период сменившего военный коммунизм «всерьез и надолго» нэпа, И. И. Фондаминский убежденно доказывал историческую неизбежность происшедшего тогда отказа от «безумного» этатизма предшествовавших лет, а в 1932 г., после того как советская власть, ликвидировав нэп, окончательно взяла курс на каторжные пятилетки, И. И. Фондаминский, с той же «исторической точки зрения», утверждает, наоборот, возможность «громадных достижений» при поголовном закрепощении государству всего населения. Ища объяснения теперешнему отношению И. И. Фондаминского к советской коллективизации, естественно предположить, не является ли он, по роду излюбленных его занятий, жертвой того дурного «историзма», который от установления причинной обусловленности известных событий в прошлом, произвольно заключает к исторической их неизбежности и даже к объективной их целесообразности? Ложный даже в применении к изучению исторического прошлого, такой некритический историзм представляет тем большую опасность при оценках еще не застывшей, находящейся в процессе становления современности: здесь он легко приводит к «фактопоклонству», к слишком поспешному признанию фактически «существующего» — исторически «разумным».

В заключение, быть может небесполезно резюмировать еще раз, в форме положительной, наш собственный взгляд на советскую «коллективизацию», поскольку он не вполне выразился попутно на протяжении развитых выше, по необходимости беглых, критических замечаний. За недостатком места, можем сделать это лишь в виде кратких тезисов.

1) Принудительный, насильственный характер массовой «коллективизации» в настоящее время не подлежит более сомнению, он самоочевиден. «Колхозный энтузиазм» крестьянства — официальная ложь, за которой скрываются разожженная большевиками гражданская война в деревне, беспощадные массовые расстрелы, ссылка сотен тысяч, если не миллионов, крестьян на принудительные работы, выселение целых деревень и пр. Никогда и нигде крестьянство не отказывалось добровольно от самостоятельного хозяйствования, не шло по своей охоте в колхозы, не подчинялось без борьбы насилию, отвечая на свирепые меры власти восстаниями, убийством советских чиновников, наконец, загнанное, в виду невозможности дальнейшего сопротивления в колхозы, — пассивным экономическим сопротивлением.

❦

События, протекшие за последние 15 лет, дают только новые доводы, так сказать, «от противного» в пользу позиции, занятой партией с.-р. в пору ее решающего участия в судьбах России. Однако, против партии и ее установки говорит как будто-то незавидное положение, в котором вместе с ней очутилась вся свободолюбивая Россия?

Так говорят и так думают фактопоклонники, для которых истина определяется успешностью, а верность идее, народу, классу, России находит свое выражение в служебной преданности очередному победителю.

Между тем и крайние эмпирики и материалисты в переживаемой миром обстановке как будто лишены оснований представлять себе прогресс, как прямолинейное — или спиралевидное — восхождение от успеха к успеху. Не всякая победа как будто знаменует собою торжество жизненной правды, как и не всякое поражение изобличает непременно ложь.

Ни в какой мере не склонны мы отрицать или замалчивать понесенное партией жестокое поражение. Не отрицаем мы и того, что поражение это явилось результатом не только внешних обстоятельств, но и личной вины и ошибок, — ошибок собственных в такой же мере, как и чужих. Ошибались не только каждый из нас в отдельности и партия в целом, ошибались все партии, вся Россия, теперь можно сказать — весь мир. Весь мир потерпел поражение, унижен и обнищал, раздроблен и далеко не всегда активно участвует в собственном самоопределении.

На жизненном опыте нам дано было, вопреки нашему желанию, проверить априорную «установку» нашей партии. И сейчас мы, побежденные, тверже прежнего — во всяком случае с большим основанием, чем наши победители, — можем верить и исповедовать, что только демократический путь ведет к социализму и что демократия, как форма индивидуальной и коллективной самодеятельности, есть не только ценность прикладная, но и самоценность.

М. Вишняк.

Российские социалисты в Рабочем Социалистическом Интернационале

Цель настоящей статьи поставить на обсуждение вопрос, о котором в социалистической среде обычно считается «бестактным» говорить публично. Вопрос этот касается положения российских социалистов в Интернационале.

Трудность этого положения вероятно сознается всеми. Если порою кто либо из наших «левых» товарищей пытается делать вид, что он ее не видит, то это только дипломатия, притом весьма примитивная. Никакое «самопожертвование», сводящееся фактически к принесению в жертву интересов трудовых классов России тактическим расчетам нынешних лидеров Интернационала — не помогает. Российские социалисты, чем дальше, тем все более становятся в лучшем случае терпимыми членами Интернационала.

В **лучшем** случае... Недавнее заявление Фр. Адлера (в его переписке с Каутским[1]) о том, что его не пугает перспектива ухода из Интернационала «того или иного правого русского меньшевика или социалиста-революционера» достаточно ясно. Быть может, для «левых» оно звучит не только успокоительно, но даже заманчиво: таких социалистов, как они, секретарь Социалистического Интернационала любит, а избавление от компрометирующих «правых» может даже усилить эту симпатию. Увы, разочарование совершенно неизбежно. Один из представителей «правого» крыла меньшевиков Г. Я. Аронсон очень правильно пишет в «Социалистическом Вестнике» (от 4 марта 1933 года): «Если раньше он (Адлер) еще склонен был «толерировать» русский меньшевизм, то сейчас во имя осуществления единого фронта с Коминтерном он готов мириться с тем, что «тот или другой правый русский меньшевик или эсер от нас отколется», отдавая себе, конечно, отчет в том, что при новой ориентации Рабочего Социалистического Интернационала под псевдонимом «правого меньшевика» легко может поместиться и вся наша партия без различия группировок». Очень боюсь, что несмотря на все усилия некоторых наших товарищей выглядеть страшно левыми, несмотря на все меморандумы, стремящиеся показать Фр. Адлеру, что он не должен их смешивать с контр-революционерами из «Дней» и «Современных Записок», все же и вся партия с.-р. «поместится под псевдонимом правого эсера».

[1]) См. «Кампф», февраль 1933 г.

Положение существенно ухудшается в результате той тенденции к соглашению с Коминтерном, которая проявляется у нынешних лидеров Интернационала. Как, в самом деле, может быть осуществлено такое соглашение при наличии в составе Интернационала российских социалистических партий, самые «левые» элементы которых отвергают все призывы к «толерированию» диктатуры? Можно сколько угодно заявлять, что та или иная из российских социалистических партий «не желает» быть препятствием на пути к соглашению, все равно самое ее участие в Интернационале объективно является таким препятствием, поскольку она не соглашается на капитуляцию перед диктатурой. С этой точки зрения становится весьма понятной вся та упорная агитация в пользу капитуляции, которую ведут Фр. Адлер и Отто Бауэр. Но как все таки поступит руководящее ныне крыло Интернационала, если ему не удастся отколоть в этом вопросе «левых» от «правых»? Дойдет ли оно до исключения из Интернационала российских социалистических партий? И как будет мотивировано это исключение? Верностью принципам демократического социализма или отстаиванием интересов российских рабочих и крестьян?

❦

Пора сказать без всяких дипломатических ухищрений: после победы в России диктатуры потерпевшие тяжелое поражение российские социалисты не встретили со стороны западно-европейских товарищей той моральной и идейной поддержки, которой они вправе требовать. Отдельные голоса и выступления, как бы они ни были авторитетны, не уравновешивают тех ударов, которые нам наносятся с этой стороны в течение всех этих лет. Какой длинный список здесь можно было бы составить — от Перселля и Ленсбери до Отто Бауэра и Фридриха и Макса Адлеров, от председателя Социалистического Интернационала Вандервельде до французского социалистического эксперта по нефти Барона и весьма правого кооператора Пуассона!

На этой почве у нас выработалась даже достаточно унизительная психология: когда мы читаем или слышим, что кто либо из европейских социалистов встал на защиту самых элементарных прав российского рабочего или крестьянина, то наш восторг подчас становится прямо необузданным. Увы, поводы для проявления этого восторга становятся все более редкими.

❦

Зато удары все учащаются. Что только нам не довелось слышать хотя бы за последний год! Прямое оправдание правительственных репрессий (Барон); восхваление несуществующих достижений (лорд Пасфильд, он же Сидней Уэбб); признание диктатуры в России «орудием прогресса» (Вандервельде);[1]) провозглашение «ярко подчеркнутой солидарности между международным социализмом и Советской Россией» (Жиромский); защита сталинской «ликвидации крестьянства, как класса», и всей вообще тактики, которую «мог и должен был применять в России большевизм», являющийся «только одним из путей, ведущих к социализму, притом именно путем возможным в России» (Макс Адлер); рассуждения о творческой роли диктатуры в России (Отто Бауэр). И над всем этим одно основное, доминирующее настроение: боязнь, что свержение диктатуры в России явится роковым ударом для европейского социалистическог движения (Фр. Адлер)...

А самые упорные социалистические враги коммунизма на Западе, когда речь заходит о России, устало разводят руками: «все таки ведь диктатура существует уже свыше 15 лет»...

❦

Ниже напечатаны отклики Парижской и Пражской организаций партии с.-р. на прекрасную статью в защиту рос-

[1]) В своей недавно вышедшей книге: «Альтернатива — государственный капитализм или демократический социализм» Э. Вандервельде пишет о том, что одним из «недоразумений», стоящих на пути к «единому фронту», является «непонимание» европейскими рабочими того, что «при определенных обстоятельствах, в разгар революционного кризиса, в стране, где массы, не вполне вышедшие из векового рабства, находятся еще в первичной стадии политического воспитания, диктатура Ленина или даже Кемаль-паши может быть, в конце концов, орудием прогресса».

2) Никакой **подлинной** коллективизации крестьянских хозяйств в единственно-возможном значении этого слова — как одного из видов крестьянской с.-х. кооперации, как системы свободно возникающих самоуправляющихся обобществленных трудовых хозяйств — в Советской России **вообще не существует;** самый термин «коллективизация» так же лжив, как и вся остальная фразеология спекулирующих на революции и социализме кремлевских дельцов. Социально-экономическая реальность, под ним скрывающаяся, это: сплошное **обезземеление** крестьянства, **разрушение** 15 миллионов самостоятельных трудовых хозяйств, **закрепощение** крестьянства с его инвентарем на казенной барщине в крупных, управляемых советскими чиновниками экономиях, ничем для крестьянства не отличающихся даже от совхозов тем, что в них весь риск производства не падает на казну, а остается лежать на тех же «колхозниках», наконец, систематическая **экспроприация** властью у крестьянства всего продукта его труда сверх нищенского минимума, необеспечивающего даже полуголодное его существование.

3) Истинные мотивы большевиков при введении принудительной [illegible] масс крестьянства от нищеты и разорения» (из резолюции съезда); это — лишь разменные лозунги, которыми прикрывается истинная [illegible] сущность антинародной власти. [illegible] обезземеленного крестьянства [illegible] с.-х. [illegible], в целях [illegible], было проведено большевиками исключительно лишь в целях самосохранения. Сплошная коллективизация трудовых хозяйств явилась в свое время **единственным** средством отсрочить неминуемое хозяйственное и политическое банкротство советской власти — ценою еще более глубокого разрушения России. Цель коллективизации для большевиков — с одной стороны обеспечить себе более легкий и верный способ конфискации наибольшей доли продуктов крестьянского труда, с другой, предотвратить начавшееся в условиях нэпа возрождение экономически самостоятельного крепкого трудового хозяйства, дальнейший рост которого несомненно становился уже и политической угрозой существованию антинародной диктатуры.

4) Об «успехе» коллективизация говорить можно исключительно только с точки зрения этих специфических задач кремлевских властителей: большевикам, действительно, удалось, пустив в ход все средства принуждения и истребления, уничтожить последнюю самостоятельность крестьянства, наложить руку непосредственно на с.-х. производство, получив через колхозы неограниченную возможность изъятий в любых размерах хлеба и сырья. Но блестящий «успех» власти — величайшее поражение и разгром для крестьянства и всего народного хозяйства в целом. Непосредственные результаты колхозной политики — бессмысленное уничтожение хозяйственных ценностей (особенно животноводства), разрушение налаженной веками организации с.-х. производства. Длительные последствия коллективизации — дальнейший упадок сельского хозяйства, ибо ею убиты самые стимулы хозяйственной деятельности крестьянства — кровная связь с землей, творческая свобода труда, личная заинтересованность в повышении его производительности. Вековой вопрос о земле не только не разрешается коллективизацией, но, в связи с нарушением органической связи с землей трудового крестьянства, несомненно увеличивается опасность помещичьей реставрации в будущем.

5) Большевики **никогда** добровольно не откажутся от изобрѣтенной ими системы эксплоатации крестьянства, — мнимая «коллективизация, даже при дальнейшем упадке сельского хозяйства, всегда обеспечивает им львиную долю продукта крестьянского труда. Но крушение советского режима, лишенного опоры в собственном народе, неизбежно рано или поздно. Что делать крестьянству и всякой подлинно народной власти с проклятым большевицким наследством в деревне?

По этому вопросу в русской социалистической среде царит наиболее двусмысленная путаница, смесь наивных заблуждений искренних противников советской «коллективизации» с соблазнительными попытками сохранить на будущее максимум колхозных «достижений» у тайных и явных ее сторонников. Эта тема по своей важности заслуживает особого и внимательного рассмотрения. Здесь могут быть намечены лишь самые основные вехи.

В **переходное** время, непосредственно после падения советского режима, необходима особая осторожность в ломке фактически сложившихся в деревне отношений: естественно и бережное отношение к колхозам и совхозам, лишь постепенная их реорганизация. Но методы переходного времени не должны тенденциозно смешиваться с самым существом будущей политики **нормальной,** вытекающей из основных потребностей русского народного хозяйства в целом и расчитанной в своем осуществлении на большие исторические сроки. С точки зрения этой последней, будущее русского сельского хозяйства требует возвращения к системе **автономного трудового крестьянского хозяйства,** что, по нашему глубокому убеждению, в полной мере отвечает и психологии самого крестьянства. Техническая рационализация с.-х. производства, выгоды объединения сил в крупном масштабе вполне доступны и для единоличных крестьянских хозяйств посредством свободного из **кооперирования.** Но такое кооперирование не должно повторять явно ошибочные и утопические пути кооперации производительной, начинающей с полного объединения всех производственных процессов в целом, а должно идти обычным, принятым во всем мире, путем, через объединение сбыта, совместное пользование сложными машинами, организацию индустриальной переработки сырья и т. п. Сохранение земли в верховном заведовании государства, осуществленная национализация ее, открывает перед таким процессом всестороннего кооперирования единоличных трудовых крестьянских хозяйств в России особенно широкие перспективы.

В. Руднев.

Редакция обращается ко всем партийным организациям и отдельным товарищам с просьбой присылать на адрес «Свободы» критические замечания по существу поднятых в журнале вопросе и их трактовки, также просит высказать пожелания относительно дальнейшего ведения журнала.

сийского социалистического движения К. Каутского и на критику, которой эта статья подвергалась со стороны секретаря Социалистического Интернационала. В связи с этим мне представляется целесообразным напомнить о той полемике, которую только год тому назад тот же Фр. Адлер вел по «русскому вопросу» с Отто Бауэром.

Как известно, точка зрения Отто Бауэра, особенно подробно развитая им в статье «Будущее российской социалдемократии» (венский «Кампф», декабрь 1932 года), исходила из допущения возможности осуществления «в общем и целом» пятилетки и превращения, в результате такого осуществления, СССР в государство, «в котором будут налицо существенные элементы социалистического общественного строя». Эти элементы, доказывал Бауэр, «растут на наших глазах». Такова основа его тактических выводов: российская социалдемократия обязана всячески беречь и охранять «социальные и социалистические результаты диктатуры» и «не подвергать опасности ради демократии все созданные революцией элементы социализма». В своей переписке с Каутским Фр. Адлер, в сущности, предлагает сделать эти утверждения Бауэра одним из пунктов проектируемого им соглашения с Коминтерном. Это то самое «признание» социалистами возможности прихода России к социализму через диктатуру, которое Адлер собирается выменять на «признание» большевиками возможности осуществления социализма «по крайней мере в некоторых странах», на путях демократии. Тем интереснее отметить, что еще в начале 1933 года он сам был чрезвычайно далек от «признания». Опровергая социалистические иллюзии Бауэра, он тогда («Кампф», январь 1933 года) несколько иначе, чем сейчас, понимал «социальную функцию» диктатуры, которая, как он писал, «заключается только в одном — в том, чтобы держать в подчинении самих трудящихся для осуществления над ними первоначального накопления, для удушения в зародыше всякой попытки сопротивления трудящихся возлагаемым на них жертвам». В соответствии с этим он видел основную задачу социалистической пропаганды не в установлении «мистической общности судьбы» между Социалистическим Интернационалом и СССР, а в противодействии попыткам «сделать из судьбы сталинского опыта какие либо выводы о судьбе социализма» [1]) и в уничтожении иллюзий о том, что «социализм в СССР уже осуществлен или, что достаточно претерпеть жертвы, связанные с одной или двумя пятилетками, чтобы создать предпосылки для его осуществления». Это не мешало Фр. Адлеру уже тогда призывать российских социалистов к капитуляции перед диктатурой, но мотивировалась эта капитуляция не необходимостью «признания» социалистических возможностей, заложенных в диктатуре, а исключительно боязнью победы правой реакции, в случае свержения большевистского владычества.

Полемика Адлер-Бауэр велась тогда, когда еще можно было писать (в противоречии с фактами, но хотя бы в соответствии с отзывами некоторых иностранных журналистов), что «жизнь в России стала ощутительно более легкой» (Отто Бауэр в статье «Будущее российской социалдемократии»). Несмотря на это Фр. Адлер тогда понимал, что речь идет не о пути к социализму через диктатуру, а всего лишь о новой форме «первоначального накопления», осуществляемого на [illegible]. А теперь, когда о том, что жизнь стала в России «ощутительно более легкой», не посмеет говорить никто, Адлер готов, вслед за Бауэром, признать «[illegible]» как сельских, так и городских масс путем к социализму. Не есть ли [illegible] цель этого «признания»?

Предложение «единого фронта» Коминтерну — непосредственный логический вывод из этих так многообразных, по [illegible] для российских социалистических партий иллюзий, которые [illegible] в «русском вопросе» некоторые из [illegible] руководителей РСИ.

Что же могут и должны делать для борьбы с этими настроениями российские социалисты?

Прежде всего, конечно, смотреть правде прямо в глаза и честно говорить то, что есть. Пусть нас не пугают обычными доводами о том, что это значит «давать оружие врагам социализма» и «дискредитировать» его в России. Дискредитируют социализм не протесты социалистов против попыток соглашения с диктатурой, а самые эти попытки.

Необходимо далее избавиться, наконец, от того болезненного «complexe d'infériorité», которое стало чуть ли не основной чертой российских социалистов — без различия партий и течений. Надо раз навсегда выбрать: или российский социализм представляет, действительно, абсолютно ничтожную величину по сравнению с «могущественными» организациями Интернационала, и тогда участие его представителей в обсуждении в Интернационале всех вообще больших политических вопросов ничего, кроме улыбки, вызвать не может; или и «ничтожество» российского социализма и «могущество» европейских партий понятия относительные — и тогда нет никакой надобности розыгрывать роль терпимого из милости нахлебника. Твердое отстаивание прав российских трудовых классов на демократию и свободу — долг, от которого ни один российский социалист не вправе отказаться. Интернационал не может заставить нас сойти с этой позиции — как равным образом и не может «избавиться» от нас, если бы у некоторых из его вождей и было такое желание. Неуклонная и стойкая борьба внутри Интернационала с разлагающими демократический социализм диктаториальными симпатиями возможна, необходима и небезнадежна. Если эта борьба не ведется с достаточной энергией, то одной из причин этого является, конечно, то глубоко ненормальное положение, которое создалось в вопросе о представительстве партии с.-р. в Интернационале, особенно при весьма тесной идейной связи представителей другой российской социалистической партии с течением Адлер-Бауэр.

И, наконец, еще одно: надо во что бы то ни стало преодолеть в европейской социалистической среде ту ее веру в шансы правой диктатуры в России, которая, как я уже указывал, является одной из основ «адлеровской» тактики. А для этого надо прежде всего всегда помнить, что перед российскими социалистами не один, а два врага. Борьба с коммунизмом есть и всегда должна быть одновременно борьбой с фашизмом во всех его российских проявлениях и «пореволюционных» обличиях. Всякое уклонение от этой позиции, как бы незначительно оно не было, есть в конечном счете содействие российской гитлеровщине и сталинизму.

С. Соловейчик.

---

[1]) «Кампф», январь 1933 года, статья «Сталинский опыт и социализм».

Когда же они прозреют?

Удивительно, как долго и упорно держатся политические заблуждения и фантастические иллюзии среди некоторых эмигрантских группировок! Во власти иллюзий находится не только право-настроенная часть русской эмиграции, но и значительные секторы левой эмигрантской общественности.

Одни облюбовали культ «вождей» и убаюкивают себя старой легендой о великой роли, которую может сыграть в борьбе с большевицкой диктатурой буферное государство, созданное на Дальнем Востоке с помощью иностранного оружия. Другие, как украинские самостийники и кавказские сепаратисты, настойчиво вырабатывают планы отторжения определенных частей России с целью образования из них самостоятельных государств, хотя бы ценою полного распада России.

Ставят ставку, на кого угодно и на что угодно, только не на русский народ — единственную потенциальную силу, которая раньше или позже освободит Россию от большевизма.

Конечно, политические махинации пораженцев и сепаратистов ведутся под громкими и высокими лозунгами «патриотизма», «спасения России», «полного самоопределения народа» и т. д. Но эти лозунги не могут изменить сущности того, что делают эти патриоты и спасители России. — То, что они проделывают в течение многих лет в отношении своей родины, представляет собою подлинную измену русскому народу, измену всему прошлому России и ее будущему.

Но их политическая игра не только измена, она также грубейшая и вреднейшая ошибка.

Что, например, может дать харбинским эмигрантам японской ориентации их пресмыкательство перед непримиримым врагом России? Ровно ничего.

Харбинский дуче, генерал Косьмин, может заверять, сколько угодно, своих сторонников и подчиненных, что Япония готова воссоздать в Манчжурии русскую армию для борьбы с большевиками и для их свержения. Но всякий здравомыслящий человек, отдающий себ есный отчет в том, что сейчас происходит на Дальнем Востоке, отлично понимает, что заверения генерала Косьмина — чистейший блеф.

Япония сегодняшнего дня — это далеко не Япония 1918-1922 г.г.

Тогда японская военная клика действовала с большой осторожностью, все время оглядываясь на Америку, Англию и Францию. Приморский и Забайкальский буферы были пробными шарами, маневрами до выяснения общего политического положения на Дальнем Востоке. Япония боялась Америки и не замедлила очистить русский Дальний Восток, как только Америка этого решительно потребовала. Сейчас же Япония ведет свою насильническую кампанию в Китае вызывающе смело, открыто и безнаказанно, так как и Европа, и Америка из-за мирового кризиса оказались в трагическом тупике.

Естественно, что горсточка русских правых эмигрантов, живущих в Манчжурии, является для японцев совершенно ничтожной и жалкой величиной. В лучшем случае японский военный штаб ставит их на черную, тяжелую работу, но не больше...

Поэтому мечты генерала Косьмина и его группы о буфере, о том, что Япония поможет им свергнуть большевиков — являются самой подлинной бредовой идеей.

Нет сомнения, что японцы серьезно готовятся к захвату русского Дальнего Востока; но, если они на это пойдут и, ценой больших или меньших жертв, завладеют этой обширной территорией, то они, конечно, менее всего будут думать о притязаниях или желаниях русских эмигрантов. Тогда японское военное командование будет с ними разговаривать на языке, на котором оно говорило в 1918 году с русскими гражданами на острове Сахалине и в Николаевске на Амуре и на котором оно сейчас говорит с ними в Манчжурии. «Кто из эмигрантов, — сказал недавно один высокопоставленный японец, — против Японии, тому не место в Манчжу-Ко».

Таким образом, в случае захвата японцами русского Дальнего Востока, перед русскими эмигрантами встанет тяжелая альтернатива: или превратиться в японских париев, или искать гостеприимства в другом месте, если японцы их не предадут большевикам.

Не станут также японцы свергать большевиков в угоду эмигрантам, так как большевицкая, разоренная, нищая, бессильная Россия для Японии гораздо более выгодный сосед, чем Россия свободная, воскресшая для новой жизни.

Нелепой и преступной иллюзией являются также расчеты всякого рода пораженцев и сепаратистов на то, что какая-нибудь иностранная держава поможет им отторгнуть ту или иную часть Европейской России в целях образования новых самостоятельных государств.

Приход Гитлера к власти в Германии окрылил апостолов сепаратизма новыми надеждами. Но надо быть слепым, чтобы не видеть и не понимать, что надежды на Гитлера не больше, чем грубый самообман.

Правда, Гитлер давно уже поставил себе целью вознаградить Германию за потерю ее колоний путем **«колонизации еще неопределенных ,но обширных территорий на Востоке от Германии»**. Но от гитлеровского бахвальства до осуществления такого плана еще очень и очень далеко. Одна попытка со стороны гитлеровской Германии осуществить такой захват, поставила бы на дыбы всю Европу и Америку и вызвала бы новую мировую войну, которая не менее страшна для Германии, нежели для других стран.

Но допустим, что невозможное случится — и гитлеровской Германии удастся отторгнуть Украину и Кавказ от Советского Союза, конечно, ценой больших жертв. Так неужели же есть хоть один шанс на миллион, что немцы поднесут эти прекрасные территории на блюдечке истосковавшимся по власти Полтавцу-Остранице или кавказским сепаратистам? Конечно же нет! Германия победительница не замедлит включить завоеванные окраины в состав «Третьей Империи» и постарается их как можно скорее онемечить.

Не ясно ли, что и на этом пути сепаратистов ждут самые жестокие разочарования?

И какими бы чувствами и мотивами ни руководились эмигрантские группировки, ставящие ставку на распад России, ложно ли понятым патриотизмом, узко ли понимаемым национализмом, или тщеславной игрой в государственность, русский народ, который раньше или позже собственными силами освободится от своих большевицких поработителей, никогда не забудет и не простит этим людям их отступничества и измены великим заветам свободной, демократической России, совершившей февральскую революцию во имя освобождения человеческой личности, во имя равенства и социальной справедливости.

М. Кроль.

Отклики

О том, что переживаемая нами эпоха **переходная** — об этом, кажется, спора нет ни у кого. Споры начинаются лишь тогда, когда дело доходит до оценок: для одних это сумерки, для других рассвет, для одних конец, для других начало. Отсюда и бесконечная пестрота суждений, напряженность и страстность борьбы мнений и убеждений.

Мы присутствуем при настоящих социально-политических катаклизмах, когда во всем мире происходит переоценка социальных и политических ценностей, крушение общепризнанных систем и отказ от общеобязательных принципов. Сегодня поклоняются тому, что вчера сжигали, сжигают то, чему только что поклонялись... В переходную эпоху и не может быть иначе! Если бы этого не было, не было бы и движения вперед.

Русский политический опыт кажется в этом отношении особенно богатым. Мы в известном смысле ушли даже дальше Запада, потому что испытали больше его. Кроме ужасов мировой войны, мы пережили еще и революцию во всех ее перипетиях — даже таких, каких не знала и французская революция.

Было бы, конечно, поэтому очень грустно, если бы мы не менялись в этих меняющихся временах. Перемены эти только обязательны...

И сколько таких перемен мы видим кругом и среди нас самих!

Есть целые политические течения, которые в самом факте перемены видят даже какую то особую политическую заслугу и чуть ли не добродетель. Сюда относятся все так называемые «по-революционные» течения и группировки. Самоуверенные «утвержденцы», молодежь, группирующаяся вокруг детского журнальчика «Завтра», сумрачные юноши из «Третьей России» и «младороссы» — всех их объединяет сознание своей оригинальности и непохожести на то поколение, которое принимало активное участие в политических событиях вчерашнего русского дня. Вся эта по-революционная «молодежь» (молодежь часто не по возрасту, а по настроению и темпераменту) торопится всю ответственность возложить на других, как можно скорее и как можно глубже вырыть ров между собою и ими. Все их противники — это люди вчерашнего дня, но только им самим принадлежит будущее! Стараются ли они утвердить смутно формулируемый ими «национал-большевизм», построить ка-

кую то, нездешнюю, неведомому, а для них самих «третью Россию» или, на удивление всему миру, возглавить советы царем, всем им присуща одна отрицательная черта: поход против демократии, отрицание демократической идеи. Все они убежденные противники политической романтики, себя считают практиками, а не мечтателями, и все являются поклонниками и поклонниками государственной **власти**. В этом чувстве многие из них доходят до настоящей поэзии подчинения. И в этом смысле они, действительно, вполне современны, так как по существу рождены в рабстве и воспитаны и вскормлены большевизмом, фашизмом и гитлеризмом.

Среди всех «по-революционных» течений первое место, конечно, следует уделить младороссам, потому что ни у кого нет столько пафоса, напористости, энергии и организации. Кто может с ними конкурировать?

Ведь — «события оказываются союзниками младороссов. Все происходящее в мире — в России, в Германии, в Америке — подтверждает наши прогнозы и выводы. Младоросское движение попадает в точку, ему суждено быть правым, ему жизнь дарит будущее. Все стало быстро меняться и всем становится ясным, что младоросское движение еще лишь у самого истока, что идеи, определяющие его зарождение, знаменуют рождение нового мира. Кончается в судорогах целая эпоха истории. Уходит старый мир, нашедший себе трагическое завершение в двуединой «капиталистическо-коммунистической» западне».

Это их оценки эпохи. А вот оценка собственных сил и возможностей:

«Сила младоросского движения в его всемирности. Союзу Младороссов, благодаря его организованности и сплоченности, удалось то, чего должна была достичь вся эмиграция. Будучи всемирной организацией, Союз Младороссов завоевал себе видное положение во всех странах. Везде у младороссов есть друзья. Младороссы всюду представляют Русскую эмиграцию, Русские нужды, Русские интересы. Но не только. Младороссы представляют и Русскую идею, Русскую силу, Русское будущее... На нелепый и ныне беспредметный лозунг Сталина — «догнать и перегнать Америку» — мы отвечаем лозунгом реальным и повелительным, лозунгом Русской Национальной Революции: догнать и перегнать Германию».

Так пишет передовая в последнем номере «Младоросской Искры» от 10 мая. Под передовой стоит подпись: «Александр Казем-Бек» — а не «Поприщин».

«Утвержденцы» шире младороссов — они не прочь принять на свое лоно всех «по-революционеров» вообще.

«Утвержденчество есть прежде всего стремление к сочетанию и сосредоточению усилий ныне разрозненно-идущих по-революционных направлений. Мы хотели бы, чтобы национал-максималист и «младоросс», неонародник и евразиец, «имперец» и «неодемократ» в равной степени считали бы «Утверждения» своим органом».

«Утвержденцы» не только широки, они и неопределенны... до полной невнятности! Ну какое, в самом деле, содержание может быть в такой их «утвержденской»: «оформление единой синтетической пореволюционной идеологии, призванной интегрировать все то ценное, что в отъединенном и неполном виде наличествует в целом ряде отдельных конструкций»? И что означает та «великая и многообразная Российская Идея» или «духовно-объединяющая Российская Идея», к которой они так любят взывать? Если это и «мессианизм», то лишенный всякого содержания...

Ничего решительно «утвержденцы» не утверждают — они чего то несомненно, хотят и хотят страстно, но чего — не ясно, что то ищут, но что именно — тоже не совсем понятно... Зато уверенности и задора у них — не меньше, чем у младороссов: «Не национал-монархисты, а **мы** понесем хоругвь российского мессианского призвания; не крупно- и мелко-буржуазные группы, а **мы** поднимем знамя свободы и доброго труда; не эсеро-социалистические партии, а **мы** утвердим социальную правду и справедливость; не коммунисты, а **мы** окончательно завершим искривленную линию российского национального исторического развития; не они, а **мы** завершим революцию, ибо на нас, молодых, лежит великая миссия — открыть для России одну из красивейших страниц ее истории... Мы призваны быть идеологическим авангардом, мы должны ставить новые вехи на путях Истории — быть действительно людьми России грядущего дня... Это и есть тяжкий и радостный, тернистый и ответственный путь утвержденчества». (Все эти «мы» курсивом принадлежат самим утвержденцам. — **В. З.**).

Догадаться о положительной программе «утвержденцев» можно только по некоторым намекам. Это, с одной стороны, когда они говорят о «всеобъемлющем новом, социальном христианском мировоззрении, которому суждено определить собой грядущую эпоху истории человечества» и об «устроении нового социального уклада, одновременно антикапиталистического и антикоммунистического, на основах христианской правды», а с другой — о том, что «первой поправкой», которую придется внести в «нынешнее советское государственное устройство», «должно явиться утвеждение идеи **свободы**». («Утверждения», № 3).

Сомнительно, чтобы многих «утвержденцы» могли за собой увлечь — если младороссы уже трубят о достигнутых «во всех странах» успехах, «утвержденцы» больше устанавливают «проэкцию» на завтра и на будущую историю.

«Свежесть восприятий» по-революционных группировок часто, увы, граничить просто с невежеством. Упрекать их за это, конечно, нечего — это их беда, а не их вина. Слишком молодыми вышли они на политическую арену — молодыми не только в возрастном отношении, но и в смысле слишком малого багажа общих познаний. Помешала им в этом и историческая эпоха, в которой они росли и складывались. Но сами они этого не понимают: в жизнь они вышли с намерением куда то вести других и чему то их учить, тогда как в сущности еще многому должны поучиться сами.

К категории «по-революционных» группировок следует отнести и «ново-градцев», как они до сих пор определились. Они, впрочем, и сами себя к ним причислили, желая отгородиться от современников и даже от собственного своего поколения, что было уже гораздо труднее. Правда, в последнем номере «Нового Града» можно найти уже первую, слабую пока попытку отгородиться от по-революционных группировок («Новый Град», — пишет Г. П. Федотов, — неправильно зачисляют к пореволюционному лагерю. Его место — стоять в стыке двух участков анти-большевицкого фронта: старой и молодой эмиграции»). Хотя новоградцы уж никак не вправе причислять себя к пореволюционной **молодежи**, они тем не менее тоже торопятся провести позади себя ров, который должен отделить их от былых единомышленников. Подчеркивая не только кризис, но и крах капитализма, они, как и другие по-революционные течения, утратили веру в пригодность демократ. рецептов, проблема власти и для них часто важнее проблемы свободы. Если вера в христианизацию политики приближает их к «утвержденцам», то кокетничанье с большевизмом иногда роднит их даже с... младороссами. Неизвестно, однако, вся ли редакция разделяет соблазнительные слова Ф. А. Степуна о «творческой страстности, с которой русский народ впрягся в коммунистическое дело»...

Отличает новоградцев от младших «по-революционников», конечно, их знание истории, их культурность и их многогранность — если в по-революционной молодежи чувствуется некоторое скифство, а иногда и варварская свежесть восприятий, то у новоградцев можно отметить скорее слишком большую утонченность и изысканность, а иногда — усталость и упадочность.

Бурно- и громокипящая современность вообще не благоприятствует накоплению познаний — для этого нет времени. Учиться некогда — надо действовать! Это, конечно, дает весьма плачевные результаты — пример молодых «по-революционников» яркое тому доказательство.

*

К сожалению, этот пагубный дух времени овладевает не только неопытными юношами, он заражает и матерых политиков, которые вдруг забывают даже то, что им хорошо известно по собственному опыту. Так, обозревая с птичьего полета мировое рабочее движение последних лет, которое для каждого беспристрастного наблюдателя отнюдь, казалось бы, не могло представить картину процветания или даже благополучия, Ф. И. Дан неожиданно констатирует «чудесное марксистское «преображение» рабочего движения во всем мире» («Социалистический Вестник», 4 марта). Можно быть сторонников или противником марксизма, но говорить о торжестве идей Маркса в наше время, перед лицом того, что произошло в России и в Италии и особенно того, что происходит сейчас в Германии — такое утверждение, скромно выражаясь, по меньшей мере **неосторожно**. Но отсутствием чувства действительности вообще проникнута эта статья Ф. И. Дана, которая во что бы то ни стало должна отметить торжество «марксизма в современном рабочем движении (юбилейная статья — по случаю 50-ти летия смерти К. Маркса!). Что кроме удивления может вызвать такое утверждение: «еще в первой «февральской» фазе идейно-политическое руководство русской революции всеми созданными революцией учреждениями принадлежало марксистской партии — социалдемократии... Впервые в истории великая революция заговорила марксистским языком». Сейчас этот вопрос уже не является вопросом практической политики, а истории, и, казалось бы, об этих исторических фактах можно было говорить не только спокойно, но и беспристрастно. Ведь достаточно развернуть газеты того времени, чтобы убедиться в том, что в «февральской» фазе идейно-политическое руководство русской революции отнюдь не принадлежало марксистам. Ф. И. Дан, казалось бы, лучшем чем кто-либо должен был знать партийный состав первого петербургского совета рабочих депутатов и совета крестьянских депутатов по непосредственным наблюдениям. Странная забывчивость!

Но если в этом случае приходится лишь выразить удивление по поводу короткой памяти автора, то нельзя оставить без протеста следующего его утверждения: «это «марксистское» воздействие русской революции должно было усилиться после того, как в октябре 1917 года в руки одной из марксистских пролетарских партий перешла вся государственная власть, которую она и удерживает вот уже втечение 15 лет. Можно оценивать политику большевицкой диктатуры как угодно. Но неоспоримым остается факт существования революционного правительства, открыто объявляющего себя правительством рабочего класса, официальной целью своей провозглашающего уничтожение капиталистического строя и создание социалистического, 15 лет подряд бросающего в мир лозунги классовой борьбы, социализма, интернационализма, делающего красное знамя государственным символом, возводящего Карла Маркса в ранг своего признанного первоучителя и т. д. Независимо от отношения к большевизму (?!), нельзя не видеть того колоссального влияния, какое этот факт оказывал и оказывает на формирование психологии и идейного облика международного рабочего движения»...

Мы не призваны защищать память К. Маркса от ленинцев и сталинцев, хотя и уверены, что Маркс первый бы от них с негодованием и презрением отвернулся. Но спрашивается: если у советского правительства, по мнению Ф. И. Дана, столько заслуг (**«объявляет** себя правительством рабочего класса», **«провозглашает** уничтожение капиталистического строя» и пр.), то почему же Ф. И. Дан и руководимая им РСДРП продолжают вести борьбу с ним, почему открыто они не объявят себя «оппозицией его величества»? Разве не социалдемократы-меньшевики, в полном согласии с международным социализмом, обвиняли советское правительство в том, что оно является диктатурой коммунистической партии над пролетариатом, что оно всей своей практикой изуродовало, скомпрометировало и профанировало самое учение социализма?

Почему же вдруг все это теперь забыто? Для пущего возвеличения памяти К. Маркса? В такой тактике надо скорее видеть его уничижение.

На примере Ф. И. Дана мы, к сожалению, видим, что даже у старого и опытного политика фраза порою бывает сильнее фактов.

В. Зензинов.

Приветствие „Свободе"

Старые мои друзья!

Очень я заинтересована предстоящим выходом журнала **«Свобода»** и составом его сотрудников. И жду, когда вы его мне вышлете.

Наконец, дождалась желанного состава издателей. И если будете принимать новых сотрудников, то не иначе, как вполне подходящих, достаточно продумавших и убежденных. Полемики уже довольно, давайте что-либо определенное, на что молодежь могла бы окончательно положиться.

Опыта прошли довольно, и так как время теперь переходное, то и на это угадать надо. Человечество переходит теперь по колеблющемуся льду, проваливаясь то там, то здесь. На это надо указать, но цель приходится иметь определенную, хотя и указывать на неожиданности, вроде гитлеровской, которые стали как бы уже ежедневным явлением то там, то здесь. Указание нужно на неизбежность выкарабкаться из болота теперешнего времени в более сухие равнины. Ведь человечество не раз и не два попадало в болото, а вот выходило на твердую почву и начинало строить. Так и наша эпоха выберется.

Во всяком случае желаю вам успеха и правдивых предначертаний. Всех сотрудников сердечно целую.

27 апреля 1933 г. **К. Брешковская.**

Письмо друзьям

Дорогие друзья,

Я и большинство моих пражских товарищей очень рады вашей парижской инициативе. Боюсь я лично только одного: что мы, будучи долгое время подпольной партией с боевыми акциями, слишком сильно впитали в себя казарменную дисциплину, забывая, что политические партии принадлежат к свободным и добровольным организациям или ассоциацям, вступление и выход из которых совершенно добровольны. Я боюсь, что, назвав орган «партийным», пишущие в нем будут скованы в своих суждениях постановлениями съездов или какой-нибудь из 10 партийных конференций... А между тем 15 лет прошло уже со времени восхождения большевицкого на московско-кремлевский трон. За это время вся психологическая поверхность земного шара совершенно изменилась.

Настали времена, когда жизнь, политическая и хозяйственная практика во всех странах света так осложнились, что выставлять по прежнему старые незыблемые партийные веления бессмысленно. Нет страны и партии на свете, где бы не было нескольких течений и оттенков, причем наиболее бесплодными оказываются те течения, которые не хотят отступать от прежних догматических позиций.

Свобода мышления необходима, чтобы разобраться в сложной конъюнктуре создавшегося теперь положения. Ясно должно быть для всех, что, несмотря на рост фашизма и шовинизма, задача всех социалистических партий лежит не в решениях национальных проблем для устранения современного кризиса, а в решении проблем международных. Говорить теперь о «построениях социализма в одной стране» могут только такие аспиды, как Сталин и Гитлер. Все стричь под одну гребенку! Человеческая личность сметена, затоптана в грязь, смоченную кровью... А между тем, начиная с декабристов и петрашевцев крепостной Руси, до мыслителей периода освобождения крестьян, Добролюбова и Чернышевского, и кончая «субъективной» школой Михайловского и Лаврова времен народовольчества, в центре внимания нашей интеллигенции стояли — живая человеческая личность, **свобода**, права человека и гражданина. Для этого создано Общество, для этого организовано Государство, для этого создаются все свободные общества и ассоциации. Это святое отношение к ценности человеческой личности достигало поистине религиозной высоты, благодаря чему «социализм» был религией нашей интеллигенции, во имя которой тысячи и

миллионы цвета русского народа с поднятой головой шли в тюрьмы, на каторгу, на виселицы и населяли обширную Сибирь!

Нет, мы не должны отказываться в своей вере от элемента «субъективности» в пользу единого «объективизма», от Правды-Истины в пользу фактической истины, от идеализма в пользу материализма, от защиты интересов целого народа в пользу любого класса, любого меньшинства, — ибо все эти отступления и предпочтения в пользу меньшинства находятся в противоречии с требованиями справедливости.

Теперь наши народнические идеалы не отвечают, быть может, требованиям современной моды но здравый смысл и современное положение, созданное фашизмом и большевизмом, толкает человечество на нашу сторону, на сторону народнического социализма и признания первостепенной важности Свободы и Демократии. Не входя в дальнейшие рассуждения, скажу: для современного социализма имеется только два выхода — либо защита интересов «класса» (пусть им будет «рабочий класс», «пролетариат»), или защита интересов живой человеческой личности, Свободы, социального Равенства, Человеколюбия и Братства.

Наша «партийность» не должна упускать из вида нашу народническую буссоль: защита Свободы и укрепление прав Человека и Гражданина. Бороться со всякой общественной несправедливостью составляет наш нравственный и партийный долг, и, следовательно, защищать рабочий класс и пролетариат от притеснения или эксплоатации кем бы то ни было — является нашим долгом не менее, чем для самого присяжного «марксиста» и «социалдемократа». Но определять мораль, общественную справедливость, интересы целого народа, благо общее — исключительно интересами и требованиями «класса» или какого угодно меньшинства не может входить в наш символ веры. Наоборот, мы должны безбоязненно крикнуть на весь свет, провозглашая наши принципы, не боясь никаких ни II-ых, ни III-их Интернационалов! Я был несказанно обрадован, когда прочел краткую формулу нашей веры: **«Укрепить и утвердить идеи демократического социализма в борьбе против коммунизма и фашизма, идею неразрывной связи социализма со свободой, идею независимой моральной ценности человеческой личности и человеческого достоинства».**

Я прямо не могу отказать себе в удовольствии повторить здесь целиком эту прекрасную краткую формулу, из которой вытекают сами собой все прочие логические последствия в деятельности той партии, которая признает эту формулу.

Разным «идейным» расхождениям между нами я не придаю особого значения. Это происходит больше так сказать от «темного» эмигрантского безделья...

Работайте, пока молоды да силы есть. Будьте бодры и здоровы!

Е. Лазарев.

ХРОНИКА

В Заграничной Организации Партии С.-Р.

О «ЕДИНОМ ФРОНТЕ»

Резолюция парижской организации

Обсудив в заседании своем 16 марта вопрос об «едином фронте», Парижская организация партии социалистов-революционеров постановила опубликовать нижеследующее заявление:

В связи с поднятым Рабочим Социалистическим Интернационалом вопросом о соглашении с Коминтерном, с одной стороны, и сделанными некоторыми коммунистическими партиями (во Франции, Англии, Бельгии, Польше и др.) предложениями социалистическим партиям об «едином фронте», с другой стороны, Парижская организация партии социалистов-революционеров считает своим долгом заявить нижеследующее:

1) Обращение Рабочего Социалистического Интернационала к Коминтерну фактически есть обращение к советскому правительству, одним из органов которого является Коминтерн. Это обращение последовало через головы российских социалистических партий. Делая свое предложение, Рабочий Социалистический Интернационал игнорировал не только мнение российских социалистических партий, но и положение трудящихся классов в СССР.

2) Все разговоры коммунистов о готовности их создать единый рабочий фронт являются комедией и заранее задуманным обманом. Раскол рабочего движения и борьба с демократическим социализмом всегда были и остаются одной из основных целей коммунистов. Подготовив своей тактикой раскол и распыление организованных сил международного пролетариата, большевизм является одной из главнейших основ мировой реакции.

3) Ни советское правительство, ни находящийся в полном у него подчинении Коминтерн не могут быть союзниками социалистической демократии в ее борьбе с гитлеровским фашизмом. Во-первых, советское правительство, как это было в свое время документально установлено разоблачениями, сделанными в рейхстаге и в печати нашими товарищами, германскими социалдемократами, находится в теснейшей связи с реакционными силами Германии (оборудование на территории СССР немецких авиационных баз и немецких заводов военно-химического снаряжения, кредиты, предоставленные в Германии СССР и т. д.). Во-вторых, союз социалистической демократии с советским правительством и Коминтерном может только подорвать те принципиальные и моральные основы, на которых социалистическая демократия строит свою беспощадную борьбу с фашизмом. Как бороться против врагов свободы в союзе с врагами свободы? Как клеймить насилия и убийства в союзе с насильниками и убийцами? Как защищать свободу слова и печати, свободу совести и союзов, неприкосновенность человеческой личности, все вообще права человека и гражданина в союзе с теми, кто растоптал все эти права?

4) Давая через Коминтерн поручение коммунистическим партиям Европы вести переговоры с социалистическими партиями, советское правительство продолжает истреблять в самой России все политические партии и течения. Большевики могли бы доказать искренность своих предложений только восстановлением попранных ими гражданских и политических свобод в СССР, но они этого не делают, и, по их собственному заявлению не сделают. С своей стороны, российские социалистические партии, защищая интересы угнетаемых диктатурой русских рабочих и крестьян не могут прекратить и не прекратят борьбу с советским правительством.

Таким образом, об едином фронте в СССР не может быть речи. Перед Рабочим Социалистическим Интернационалом стоит, следовательно, вопрос о возможности осуществления единого фронта в других странах при продолжении непримиримой борьбы между коммунистами и социалистами в СССР. По нашему глубокому убеждению, самые элементарные принципы интернационализма стоят на пути такой возможности.

*

Мы, российские социалисты-революционеры, являемся горячими сторонниками единства рабочего движения во всем мире. Но мы глубоко убеждены, что это единство может быть достигнуто и будет достигнуто только после падения диктатуры в России, вызвавшей и поддерживающей раскол в рабочих массах. Протестуя против каких бы то ни было соглашений между Рабочим Социалистическим Интернационалом и Коминтерном, т.-е. советским правительством, мы считаем своим долгом открыто сказать товарищам, ныне руководящим Рабочим Социалистическим Интернационалом: идя на создание единого фронта с террористической диктатурой, вы не только оттолкнете от Интернационала угнетаемые этой диктатурой трудовые классы СССР, но и скомпрометируете политически и морально идею демократического социализма перед рабочими массами всего мира.

Ибо победить социализм может только на путях демократии и свободы, — другой дороги для него нет.

Резолюция пражской организации

Заслушав сообщение о переговорах II Социалистического Рабочего Интернационала с III Коммунистическим Интернационалом об образовании для общей борьбы с обострившейся, в связи с мировым кризисом, политической и социальной реакцией единого фронта, а также ознакомившись с перепиской Ф. Адлера, секретаря II Интернационала, с Каутским по поводу условий соглашения между обоими Интернационалами, Пражская организация п. с.-р. на собрании 24 марта 1933 года приняла следующую резолюцию:

1. В виду того, что III Коммунистический Интернационал своей тактикой переговоров об образовании единого фронта стремится внести лишь дальнейшее разложение в рабочее движение и подготовить почву для более обостренной борьбы с своим главным врагом — западно-европейской социал-демократией, Пражская организация п. с.-р. считает образование единого фронта между II и III Интернационалами при данных обстоятельствах вредным для успешности борьбы с социально-политической реакцией и для дела демократии и социализма.

2. В виду того, что большинство II Социалистического Рабочего Интернационала, как это видно из опубликованной в журнале «Кампф» переписки Ф. Адлера с Каутским, предполагает для восстановления единства рабочего движения потребовать от меньшинства II Интернационала «сохранения при данных обстоятельствах Советского Союза и содействия ему», Пражская организация п. с.-р. констатирует наличность капитуляции большинства II Социалистического Интернационала пред коммунистической диктатурой и считает, что это большинство, во имя своих национальных интересов, отказывается от долга каждого социалиста защищать социализм, свободу и демократию всегда и везде и своим требованием «содействия Советскому Союзу» закрепляет над русским народом ужасающий гнет деспотической диктатуры коммунистической партии.

3. В целях «содействия Советскому Союзу» секретарь II Интернационала Ф. Адлер, как видно из упомянутой переписки, предлагает осудить заявление Каутского о том, что «стихийное восстание народных масс в Советском Союзе должно привлечь полнейшую симпатию социалистов всех стран». Пражская организация п. с.-р. решительно протестует против оказания со стороны социалистов «содействия Советскому Союзу», присоединяется к заявлению Каутского и считает неотъемлемым правом русского народа вести борьбу за попранную режимом диктатуры свободу, жизнь и экономическое раскрепощение.

4. В полном согласии со старым вождем демократического социализма, К. Каутским, Пражская организация п. с.-р. считает, что единственным путем и в то же время составной частью социализма является только демократия, и что Россия может идти по направлению социализма только этим путем, а не путем какой-либо диктатуры. Поэтому Пражская организация п. с.-р. считает для себя неприемлемым требование от К. Каутского и его единомышленников признания, что Советская Россия, исходя из нынешнего положения, придет в конечном итоге к социализму.

5. При решении западно-европейскими социалистами вопроса о создании с русскими большевиками единого фронта не участвуют голоса русских социалистов, загнанных в Советской России в глубокое подполье или томящихся в застенках большевистских тюрем. Пражская организаци п. с.-р. высказывает глубокое сожаление, что партия с.-р. лишена возможности в Исполкоме II Интернационала раскрыть свою точку зрения на единый фронт социалистов с русскими коммунистами, и выражает уверенность, что члены партии с.-р. останутся, каковы бы ни были результаты переговоров об образовании единого фронта, верными последователями демократического социализма и защитниками свободы русского народа.

Комитет Пражской организации партии социалистов-революционеров.

Прага, 24 марта 1933 г.

Письмо Карлу Каутскому

Комитет Парижской организации п. с.-р., по поручению организации, отправил Карлу Каутскому нижеследующее письмо:

Дорогой и глубокоуважаемый товарищ,

Парижская группа партии социалистов-революционеров, обсудив в своем заседании от 16 марта Вашу статью «Диктатура и Демократия», поручила нам выразить Вам полную ее солидарность со всеми высказанными в ней взглядами.

Мы это делаем с тем большим удовлетворением, что эти взгляды, в той их части, которая касается оценки положения в СССР, полностью совпадают с имеющимися в нашем распоряжении бесспорными данными, основанными, как на внимательном и непрерывном изучении официальных советских источников, так и на информации, все же иногда доходящей до нас от наших товарищей из России. Весьма авторитетные наши товарищи, с большой печалью и тревогой отзываясь о позициях тех иностранных товарищей, которые смешивают диктатуру с революцией и экономический регресс с социализмом, в то же время противопоставляют этим позициям Ваши взгляды. Ваши мужественные выступления в защиту демократического социализма и права на него русского рабочего класса дают таким образом неоценимую моральную поддержку оставшимся в России и обреченным на жесточайшие преследования и гонения со стороны диктатуры русским социалистам, которые вместе с нами остались верны принципам демократии.

В переживаемую нами тяжкую эпоху торжества фашистского насилия и диктатуры, толкающего многих товарищей на поиски компромиссов с большевицким насилием и диктатурой, Ваши выступления приобретают огромное, поистине историческое значение: они спасают честь и достоинство демократического социализма. Но для нас, русских социалистов, они имеют сверх того и особое значение. Вам, вероятно, известно, какое тяжелое впечатление производят на русский рабочий класс некоторые высказывания иностранных товарищей, дающие повод думать, что эти товарищи, в нарушение самых элементарных принципов международной пролетарской солидарности, относятся не только безучастно, но иногда и прямо враждебно к борьбе русских рабочих и крестьян против диктатуры, за основные права человека и гражданина, за восстановление в России завоеванной русским народом в марте 1917 года демократии. Ваш голос, который, несмотря на большевицкую блокаду, все же иногда проникает в Россию, смягчает эту непрерывно растущую в душах русского рабочего класса горечь, которая в дальнейшем, конечно, весьма неблагоприятно отразится на развитии социализма в России. И важно то, что русские социалисты, борясь против этого отталкивания русского рабочего класса от Интернационала, имеют возможность ссылаться на Каутского.

Как ни страшно это подумать, однако нельзя не признать, что для многих из нынешних вождей европейского пролетариата невероятные страдания русских рабочих и крестьян, гнет, тяготеющий над ними, моральные издевательства, которым они подвергаются со стороны диктатуры, представляются чем то второстепенным, не заслуживающим внимания. Ваши выступления показывают, что эта моральная бесчувственность некоторых вождей Рабочего Социалистического Интернационала (которая, мы глубоко верим, является лишь временным, хотя и тяжелым, заболеванием), находит

в среде самого же Рабочего Социалистического Интернационала надлежащий отпор.

Примите же, глубокоуважаемый товарищ, вместе с выражением нашей с Вами солидарности, нашу глубокую благодарность за те неоценимые услуги, которые Вы неустанно продолжаете оказывать делу русской свободы и международного социализма.

Ответ Карла Каутского

Дорогой товарищ,

Сердечно благодарю Вас и Ваших товарищей за дружеское письмо. Оно для меня тем более ценно, что исходит от людей, которые так хорошо знают положение вещей в России. По поводу моей статьи в «Кампф» я получил много писем и от других товарищей с выражением их солидарности. Я борюсь с большевицкой диктатурой с момента ее возникновения, но ни одна из моих прежних статей по этому вопросу не вызывала такого отклика, как эта.

Происходит ли это потому, что она является первым решительным антибольшевицким выступлением в Австрии? Или увеличившееся число проявлений сочувствия объясняется тем, что в кругах тех социалдемократов, которые не владеют русским языком, возросло понимание происходящих в России событий?

Надеюсь, что причина лежит в этом последнем обстоятельстве.

В связи с опубликованной статьей мне бы хотелось начать более широкую полемику и тем повысить интерес к критике большевизма, но, к несчастью, coup d'état Гитлера для немецких социалдемократов на ближайшее время сделал всякую дискуссию подобных вопросов политически почти невозможной. У немцев сейчас своих дел по горло. Но, надеюсь, еще представится случай сказам им, что методы Гитлера, которые по праву должны быть заклеймены позором, являются лишь отзвуком большевицких методов.

Большевизм исходил еще при этом из большой идеи, которая теперь из него выветрилась. И кроме того у Ленина хватило ума не связываться с евреями. За это Гитлер еще дорого заплатит.

Пользуюсь случаем поблагодарить редакцию «La Russie Opprimée» за присылку мне этого органа, который, с прекращением издания Бюллетеней русских с.-д., сделался для меня необходимым и который я считаю лучшим информационным источником по советским делам из выходящей на не русском языке литературы в Западной Европе. Я еще не получил последнего номера, который должен был выйти 1-го апреля. Надеюсь, что причиной этого не являются материальные затруднения. Если бы это было так, весьма бы о том сожалел.

С наилучшими приветами Вам и Вашим товарищам.

Вена, 9 апреля 1933 г. К. Каутский.

Имеется на складе — 9 bis, rue Vineuse — изданная Парижской Организацией П. С.-Р. в 1931 году брошюра — сборник советских документов — (на французском языке) о принудительном труде в СССР:

Le travail forcé existe-t-il en URSS?

Recueil de documents officiels du gouvernement sovietique

Цена брошюры (54 стр.) 2 франка. Пересылка на счет издательства

Le gérant : LERAT. Société Nouvelle d'Imprimerie et d'Edition 32, Rue de Ménilmontant, Paris (20e)